

TEO-LOGOS

Μάξιμος ο Ομολογητής
Μυσταγωγία

Преподобный Максим Исповедник
Мистагогия

УДК 27-1
ББК 86.37
М17

*Перевод с древнегреческого А. И. Сидорова
Вступительная статья А. В. Маркова*

Максим Исповедник, преподобный

М17 Мистагогия / прп. Максим Исповедник ; [пер. с др.-греч. А. И. Сидорова; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 240 с. — (ТЕО-LOGOS).

ISBN 978-5-519-64082-4

Максим Исповедник — великий богослов, изменивший пути церковной и гражданской истории. Новое раскрытие смысла божественной любви и истолкование мистики как руководства к практической церковной жизни определили значимость любого духовного чтения для практической жизни Церкви и общества. Неутомимый полемист, государственный деятель, Максим Исповедник сделал проповедь милосердия содержанием богословия. Хотя его труды требуют внимательного изучения, польза выводов из них видна уже с первых страниц.

**УДК 27-1
ББК 86.37**

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви*

© Марков А.В.,
вступительная статья, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64082-4

КАК МИЛОСТЬ МЕНЯЕТ ХОД ИСТОРИИ

*Мирами правит жалость,
Любовью внушена
Вселенной небывалость
И жизни новизна.*

Б.Л. Пастернак

Есть мыслители, защищающие свои идеи и постоянно уступающие в малом, чтобы сохранить главное. Есть мыслители более редкие, которые отстаивают и все подробности своих построений, умея подобрать самые точные и изумительные доводы. Но реже всех вырастают мыслители, стоящие на страже не только мыслей, но и толкований и объяснений. Для них форма не менее важна, чем содержание, — потому что форма передает не одни лишь факты, но и способ отношения к ним, способ созерцания, угадывания и внимательного размышления. Максим Исповедник относится к последнему роду философов, и даже если мы не признаем его чемпионом среди них, то почтение к нему будет безмерно.

Максим Исповедник родился около 580 г. в семье константинопольского патриция — как и все выход-

цы из высшего сословия, он получил домашнее образование. Привычка к внимательным уединенным размышлениям, приобретенная с детства, много раз помогала ему в жизни. Споря с множеством оппонентов, он никогда не выходил из себя, умел быть задумчивым даже в разгар спора, а истолкование сложных фраз из Библии предпочитал любимым, даже самым увлекательным построениям. Именно как толкователь Библии, умевший рассмотреть парадокс с разных сторон, не снижая его остроты, Максим Исповедник и вошел в классическое христианское богословие.

Происхождение готовило Максиму блестящую карьеру, и в молодые годы, вероятно, он успел поработать администратором, но, предпочитая книжные занятия, стал в зрелом возрасте монахом, а примерно к пятидесяти годам и игуменом монастыря, находившегося всего в нескольких милях от Константинополя. Опыт Максима Исповедника помогает лучше понять историю монашества, не сводя его ни к отшельничеству в пустынях, ни к убежищу тогдашних маргиналов, яростных и необузданных, и потому нуждавшихся в систематической культуре наставлений. Близость столицы позволяла Максиму участвовать в ее интеллектуальной жизни, уклоняясь от жизни политической: политика, как и любая другая человеческая деятельность, становилась для него лишь притчей, примером, необходимым на пути к истинной жизни, но не вмещающим ее. При этом игуменство Максим понимал как наставничество, а именно умение разбирать

все недоумения, возникающие у внимательных читателей Писания.

Можно вспомнить, что монашество стало прообразом Чистилища у Данте Алигьери, где движение людей к спасению определяется голосом и призывом: кого позвали или кто обратился с мольбой, тот и быстрее восходит по горе Чистилища. Монахи древней Фиваиды, т.е. египетской пустыни, селились на расстоянии голоса, чтобы в случае болезни или иной опасности, позвать на помощь соседа. Для Максима Исповедника голос, умение призвать на помощь — ключ к строению мироздания. Согласно Максиму, Бог вызвал мир к бытию благодаря логосам, изначальным принципам творчества; Библия — это собрание голосов, обращенных к людям, и дерзновенных выступлений людей перед Богом; наконец, спасение — это голос любви: призвав другого человека к спасению, мы поняли его, прочли его замыслы и тем самым полюбили его. Любовь для Максима Исповедника — вовсе не чувство, а та пронизательность, доброжелательность, ответственность и благоговение перед каждым человеком, которые и могут связать людей в общество.

Но игумен недолго пробыл в окрестностях столицы. Империя Сасанидов захватила Малую Азию и Египет, и греки вынуждены были бежать дальше, в северную Африку, те края, которые мы сейчас называем Магрибом. Максиму было поручено опекать беженцев от имени Церкви: он был назначен советником экзарха Африки Григория, двоюродного брата императора Ираклия. Вероятно, в таком назначении Максима сы-

грали роль родственные отношения: его семья состояла в некотором родстве с императорской. Максим мог обращаться к императору и экзарху в любое время, благодаря чему он быстро наладил снабжение беженцев всем необходимым. У него оставалось время на научные занятия, и он стал изучать со всем вниманием труды Григория Нисского и загадочного христианского платоника, писавшего от имени Дионисия Ареопагита. В трудах Григория Нисского его привлекла идея эпектасиса (букв. «растяжения» или «простираания вперед») — возрастания блаженства в раю, наличия духовного прогресса и в инобытии, исходя из того, что любовь не перестает уязвлять человека в самое сердце, а значит, призывать его к новым свершениям, даже если он блажен. В сочинениях под именем Дионисия Ареопагита его пленила мысль о мироздании как о системе образов и зеркал, передающих божественный свет. Любовная рана теперь оказывалась омыта чистым светом познания. Потом Максим Исповедник долго разобрал отдельные высказывания этих двух богословов, показывая, что их емкие и острые выражения раскрывают целую программу спасения человека.

Дружба с экзархом Григорием дорого обошлась Максиму: в Константинополе воцарился Константин, а Максима обвинили в том, что он подстрекал Григория к перевороту: якобы он видел сон, в котором ангельское войско Григория кричало о победе громче ангельского войска Константа. Его обвинили также в государственной измене, что из-за мнимого заговора африканские города остались без обороны и некото-

рые были захвачены исламскими войсками. Максим Исповедник дважды был судим и приговорен, как оскорбитель императора и «враг народа» (*hostis publicus*), к усечению правой руки, языка и вечной ссылке и, вероятно, так никогда и не был реабилитирован, даже когда был провозглашен Церковью великим святым и богословом. За клеветой на богослова-администратора стоял важнейший догматический спор его времени: о воле Христа.

Власть гражданская и церковная выводила из единства миссии Христа единство воли Христа, и только Максим Исповедник распознал, к каким тоталитарным выводам может привести этот поспешный догмат. Безжалостному государственному интересу, стоявшему за учением о единстве воли, Максим Исповедник противопоставил милосердное учение о двух волях. Если обозначать кратко, это учение о том, что сверхъестественное никогда не унижит естественное, кричащее о своей нищете и нужде, а естественное, впечатленное триумфом сверхъестественного, увидит в нем не просто царственную милость, но изумительное преодоление всех законов ради самой простой милости. Когда Иисус сказал: «Хочу, очистись от болезни», говорила божественная воля, а когда сказал: «Хочу пить», — на Кресте, говорила человеческая воля. По словам русского писателя, умирая, Бог заповедал людям жалость, но сама эта жалость чудеснее любого чуда. Так Максим Исповедник определял благой ход истории на века: каковы бы ни были катастрофы стран и народов,

всегда находилось кому обратиться с милостивым словом к современникам.

Собеседниками Максима Исповедника в богословских вопросах могли становиться высшие чиновники, например Иоанн Кувикуларий, постельничий, что-то среднее между руководителем дворцовых технических служб и секретарем по чрезвычайным поручениям. Были у него и другие собеседники, которых отличало одно свойство — умение размышлять сразу о многом, мыслить стратегически и потому находить неожиданные решения для необычных, но тем более насущных вопросов.

Важнейший свод сочинений преподобного Максима — его экзегетические (толкующие Библию) труды — в частности, его письма к образованному игумену Фалассию. Максим признавал, что его толкования не являются исчерпывающими, что он больше размышляет о своих страстях и трудностях, чем обо всем смысле человеческой истории, и потому объяснения его скорее терапевтические, чем справочные. Преподобный Максим думает о том, как Библия может возвысить ум настолько над привычными предметами, что ложные привычки мышления сразу станут для нас очевидными. Метод толкования — анагогия, возведение ума от библейских эпизодов к высшим принципам бытия.

Анагогия для Максима Исповедника важнее аналогии, важнее аллегории, ведь аналогия и аллегория просто сопоставляют два неизвестных, два образа с не вполне проясненным значением, а анагогия требует,